

И. А. Крылов, Ж. Ж. Грандвилле

**Басни И.А. Крылова в девяти
книгах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. А. Крылов**
Басни И.А. Крылова в девяти книгах / И. А. Крылов, Ж. Ж. Грандвилле – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 328 с.

ISBN 978-5-518-07586-3

ISBN 978-5-518-07586-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Чуть легкой вѣтерокъ подернетъ рябую воду,
 Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,
 И такъ нагнешься сиротливо,
 Что жалко на тебя смотрѣть.

Межь-тѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
 Не только солнца я препитствую лучамъ,
 Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
 Стою и твердъ, и прямъ.

Какъ будто бь огражденъ не нарушимымъ міромъ:
 Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется зефиромъ.

Хотя бь ужъ ты въ окружности росла,
 Густою тѣнию вѣтвей моихъ покрытой,
 Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;

Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
 Брега бурливаго Эолова владѣнья:

Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья.»

— «Ты очень жалостливъ;» сказала Трость въ отвѣтъ:
 «Однако не крушися: мнѣ столько худа нѣтъ.

Не за себя я вихрей опасуюсь;

Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:

Такъ бури мало мнѣ вредятъ;

Едва-ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!

То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣлость

Твою не одолѣла крѣпость,

И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;

Но — полождемъ конца!»

Едва-лишь это Трость сказала,

Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ

И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ.

Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала.

Такъ мнѣ съ гостями не мудрено ужиться,
 А, можетъ-быть, еще удастся поживиться
 Сыркомъ, или косточкой, или чѣмъ-нибудь.
 Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
 Ворона подлинно осталась;
 Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
 Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей —
 Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

—

Такъ часто человекъ въ расчетахъ слѣпъ и глухъ.
 За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься:
 А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься —
 Попался какъ ворона въ супъ!

=

v.

ЛАРЧИКЪ.

—

Случается не рѣдко намъ
 И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
 Гдѣ стѣнитъ только догадаться,
 За дѣло просто взяться.

—

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
 Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;

Ну, всякой Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
 Вотъ входитъ въ комнату Механики мудрецъ.
 Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: — «Ларецъ съ
 секретомъ;

Такъ; онъ и безъ замка;

А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;

Не смѣйтесь такъ изподтишка!

Я отыщу секретъ, и Ларчикъ вамъ открою:

Въ Механикѣ и я чего-нибудь да стою.»

Вотъ за Ларецъ принялся онъ:

Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,

И голову свою ломаетъ;

То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.

Тутъ, глядя на него, иной

Качаетъ головой;

Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.

Въ ухахъ лишь только отдается:

«Не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуше рвется.

Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ,

Отъ Ларчика отсталъ,

И какъ открыть его, никакъ не догадался:

А Ларчикъ просто открывался.

==

VI.

ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

—

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Завъяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что̀, буду ль я съ него?»
Подругѣ говорить. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»
— «Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» — «Почти-что ничего.»
— «Ну, какъ теперь?» — «Все тожъ.» Пыхтѣла, да пых-
тѣла,

И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнившись съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и — околода.

—

Примѣръ такой на свѣтъ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

=

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЪСТА.

—

Невъста-дѣвушка смышляла жениха:

Тутъ нѣтъ еще грѣха,

Да вотъ что грѣхъ: она была спѣсива.

Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):

Ну, чтобы все имѣлъ — кто жъ можетъ все имѣть?

Еще и то замѣть,

Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.

Хоть чудно, только такъ была она счастлива,

Что женихи, какъ на отборъ,

Презнатные катили къ ней на дворъ.

Но въ выборъ ея и вкусъ и мысли тонки:

Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;

А ей они на взглядъ

Не женихи, а женишонки!

Ну, какъ ей выбрать изъ этихъ жениховъ?

Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;

А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль, карманы пусты;

То носъ широкъ, то брови густы;

Тутъ этакъ, тамъ не такъ;

Ну, не придетъ никто по мысли ей ни какъ.

Посмолкли женихи, годка два перепали;

Другіе новыхъ свахъ заслали:

Да только женихи средней ужь руки.

«Какіе простаки!»

Твердитъ красавица: «по нихъ ли я невѣста?

Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!

И не такихъ я жениховъ

Съ двора съ поклономъ проводила;

Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?

Какъ-будто бь я себя замужствомъ торопила,

Мнѣ жизнь дѣвическа ни чуть не тяжела:

День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;

Такъ замужъ кинуться ни чуть мнѣ не пристойно.»

Толпа и эта уплыла.

Потомъ, отказы слыша тѣ же,

Ужъ стали женихи наворачиваться рѣже.

Проходить годъ,

Никто нейдетъ;

Еще мянулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлой:

Къ ней свахъ никто не шлетъ,

Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.

Зачнетъ считать своихъ подругъ

(А ей считать большой досугъ):

Та замужемъ давно, другую сговорили;

Ее какъ-будто позабыли.

Закралась грусть въ красавицыну грудь.

Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,

Что каждый день, а что-нибудь

Изъ прелестей ея лихое время крало.

Сперва румянца нѣтъ; тамъ живости въ глазахъ;

Умильны ямочки пропали на щекахъ;

Веселость, рязвости, какъ-будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три съдые проглянули:

Бѣда со всѣхъ сторонъ!

Бывало, безъ нея собранье не прелестно;

Отъ плѣнниковъ ея вдругъ ней бывало тѣсно:

А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ!

Вотъ тутъ спѣсивица перемѣняетъ тонъ.

Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться:

Перестаетъ она гордиться.

Какъ косо на мужчинъ дѣвица не глядитъ,

А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.

Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,

Красавица, пока совсѣмъ не отцѣла,

За перваго, кто къ ней присватался, пошла:

И рада, рада ужъ была,

Что вышла за коллеку.

=

УШ.

ПАРНАСЪ.

—

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ,

И по мірянамъ ихъ дѣлать помѣстья стали,

Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали;

Хозяинъ новый сталъ пасти на немъ Ословъ.

Ослы, не знаю какъ-то, знали
 Что прежде Музы тутъ живали,
 И говорятъ: «Не даромъ насъ
 Пригнали на Парнасъ:
 Знать, Музы свѣту надобли,
 И хочеть онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.
 Смотрите же,» кричитъ одинъ: «не унывай!
 Я затяну, а вы не отставай!
 Друзья, робеть не надо!
 Прославимъ наше стадо,
 И громче девяти сестеръ
 Подымемя музыку и свой составимъ хоръ!
 А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
 То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
 Коль вѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
 Не принимать техъ на Парнасъ.»
 Одобрили Ослы ослово
 Красно-хитро-сплетенно слово:
 И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
 Какъ-будто тронулся обозъ,
 Въ которомъ тысяча немазаныхъ колесъ.
 Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
 Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
 Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
 Весьма старинное напомнить мнѣнье:
 Что если голова пуста,
 То головѣ ума не придадутъ мѣста.

IX.

ОРАКУЛЬ.

—

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,

И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,

И мудрые давать совѣты.

За то, отъ головы до ногъ

Обвѣшанъ и серебромъ и златомъ,

Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,

Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,

И омиаюмъ задушенъ.

Въ Оракула всѣ вѣрятъ слѣпо;

Какъ-вдругъ, — о чудо, о позоръ! —

Заговорилъ Оракуль вздоръ:

Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпно;

И кто къ нему зачѣмъ ни подойдетъ,

Оракуль нашъ чтó молвить, то совреть;

Ну такъ, что всякій дивовался,

Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!

А дѣло въ томъ,

Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ

Жрецы вѣщать мірянамъ.

И такъ,

Пока былъ умный жрецъ, кумирь не путалъ пракъ;

А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолю сталъ болванъ болваномъ.

—
Я слышалъ — правда ль? — будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

—

Х.

ВАСИЛЕКЪ.

—

Въ глуши расцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между-тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
— «Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь осветило,
Быть-можетъ, и меня оно бы оживило?»
— «Ужъ какъ ты прости, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи конаясь, жукъ:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?»